

КОШКА

Источник: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

В маленькой комнатке квартиры № 45 жила одна уже немолодая некрасивая женщина.

Никто из квартирантов не знал, откуда она появилась и кто она, в сущности, была. Не знали даже, была ли она замужем или нет, брошенная мужем или вдова и на что она жила. Последнее было особенно странно, так как обычно жильцы всегда хорошо осведомлены относительно подробностей частной жизни их соседа: на какие средства живет, много ли он получает, много ли тратит. И если в этой частной жизни кроется какая-нибудь тайна, вроде незарегистрированного брака, то к такому жильцу или жилище соседи относятся с особенным интересом.

Каждый шаг такого жильца точно отмечается, обсуждается, и мнение о нем составляется в первый же день. И чем больше в жизни такого жильца заключается незаконного или, с точки зрения квартирной морали, достойного осуждения, тем больше внимания ему уделяют.

Сосед всегда выглянет из своей двери, если услышит, что к обитателю или особенно обитательнице смежной комнаты кто-то пришел или послышится осторожное звяканье бутылок и незнакомый мужской голос в одинокой до того женской келье,-- тогда он непременно выйдет в коридор, сделав при этом вид, что он что-то ищет, и с бьющимся от запретного интереса сердцем пройдет несколько раз мимо дверей соседки, если окажется, что дверь осталась неплотно прикрытой, в расчете, что ему удастся посмотреть кусочек, может быть, незаконной и достойной осуждения жизни.

Тогда он возвратится к своей строгой и благообразной жене и, чтобы она не учла как-нибудь по-своему его излишний интерес к соседней комнате, скажет с презрением спокойного и добродетельного человека: "Уж и соседку нам бог послал: настоящий веселый дом. Сейчас нарочно вышел посмотреть, что там делается".

На что супруга, покосившись на него, скажет с явным недоверием к его добродетели: "Ты на других-то поменьше смотри, а то каждый вечер мимо двери шныряешь".

Но за жилищем маленькой комнаты никто не мог ничего предосудительного заметить. Она никогда никого не беспокоила шумом, у нее никто никогда не бывал. Она была худа, бледна, с плоской грудью, в вечной светленькой блузке и залатанных башмаках.

Почти на весь день она куда-то уходила с мягким свертком из черного коленкора под мышкой, похожим на те свертки, которые носят портные и портнихи, относя свои заказы. Видели ее только утром, когда она выходила из своей комнаты, чтобы вскипятить себе чаю в общей кухне. И даже это делала она тихо, неслышно и боязливо отодвигаясь в сторону, если кто-нибудь другой подходил к плите.

Не все даже знали, что ее зовут Марьей Семеновной, и может быть, никто и не замечал ее и не думал о ней, если бы не одно обстоятельство, благодаря которому некоторые жилицы даже завидовали ей: у нее была громадная кошка с белой длинной пушистой шерстью без единого пятнышка. В первый же день появления Марьи Семеновны эту кошку осмотрела вся квартира, даже переворачивали ее лапами вверх, выискивая, неужели в самом деле так-таки ни одного пятнышка не найдется.

Пятнышка не было. Ни одного.

Кошка была единственным существом, которое чувствовало любовь к этой бедной и неинтересной женщине. Она, вызывая у всех удивление своей преданностью, аккуратно каждый вечер ждала у двери черного хода возвращения Марьи Семеновны. И потом, мурлыча, ходила за ней по пятам. И в то же время она была и со всеми ласкова и общительна. Дети запрягали ее в колясочку, заставляли прыгать через руки или клали ее в передней на старый с продавленными пружинами диван лапами вверх, спеленывали и надевали на шею резиновую соску на ниточке. И кошка, мурлыча, лежала спокойно с соской и дремала, закрыв глаза. Только хвост ее из пеленок чуть пошевеливался. Звали ее Машей. Один раз она пропала на сутки, вся квартира сейчас же заметила, и все беспокоились, отыщется она или нет.

Каждый входивший первый раз в квартиру при виде Маши невольно вскрикивал:

-- Какая прелесть! Чья она?

И если спрашивающему молча указывали на проходившую в это время по коридору Марью Семеновну, он взглядывал на нее молча, сразу охладевший, и, только когда обладательница кошки скрывалась за дверь, он вновь обретал свой восторженный тон.